

Возвышение Римланда: новая политическая география и стратегическая культура

Тимофей Бордачёв, Василий Кашин,
Алексей Куприянов, Фёдор Лукьянов,
Дмитрий Суслов

Этот текст и другие доклады можно
скачать на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/reports/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба,
если явно не указано иное.

ISBN 978-5-906757-74-6

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2018

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай» и авторский коллектив выражают благодарность участникам ситуационного анализа по теме «Угрозы и возможности Индо-Тихоокеанского пространства», состоявшегося на дискуссионной площадке Клуба в феврале 2018 года.

В обсуждении принимали участие:

Бордачёв Т.В.

руководитель ситуационного анализа, кандидат политических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», директор Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Быстрицкий А.Г.

председатель Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», декан Факультета коммуникаций, медиа и дизайна Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Кашин В.Б.

старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН;

Куприянов А.В.

научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН;

Ломанов А.В.

главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН;

Лукьянов Ф.А.

директор по научной работе Фонда клуба «Валдай», председатель Совета по внешней и оборонной политике;

Овчинников А.М.

директор Департамента азиатского и тихоокеанского сотрудничества (ДАТС) МИД России;

Онтоев Д.В.

начальник проектно-аналитического отдела Департамента многостороннего экономического сотрудничества и специальных проектов Министерства экономического развития Российской Федерации;

Сафранчук И.А.

доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России;

Сумский В.В.

директор Центра АСЕАН МГИМО МИД России;

Суслов Д.В.

заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Сушенцов А.А.

программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», руководитель аналитического агентства «Внешняя политика», доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России;

Толорая Г.Д.

исполнительный директор Национального комитета по исследованию БРИКС; директор Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН.

Об авторах

Бордачёв Тимофей Вячеславович

Руководитель авторского коллектива и основной автор, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», директор Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Кашин Василий Борисович

Старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Королёв Александр Сергеевич

Стажёр-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Куприянов Алексей Владимирович

Научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Лукьянов Фёдор Александрович

Директор по научной работе Фонда клуба «Валдай», председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»

Сулов Дмитрий Вячеславович

Заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Шумкова Вероника Антоновна

Координатор доклада, стажёр-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Содержание

- 5 Новая политическая география
- 10 Неизбежность Китая
- 18 Слово Индии
- 25 «Европеизация» Азии?
- 32 Возвышение Римланда и будущее мировой политики
- 34 Новый Римланд и Третий Рим

Современные международные отношения вступили в период небывалого со времён завершения Второй мировой войны изменения глобального контекста. Распад СССР, произошедший в начале 1990-х гг., хотя и серьёзно разбалансировал международную систему, не привёл к фундаментальным изменениям её природы и содержания основных процессов. Либеральный мировой порядок претендовал на универсальность, но в реальности оказался непродолжительным периодом относительно полного господства одной группы государств. Он оказался переходной и скоротечной формой международного политического устройства. Современный глобальный контекст формируется под влиянием качественно новых по своей форме и содержанию факторов. В его сердцевине мы находим новую политическую географию мира. По распределению сил мир структурно всё больше напоминает эпоху позднего Средневековья, однако физически взаимосвязан как никогда ранее в истории.

Новая политическая география

Реальное возвышение Китая и Индии как мировых политических игроков, произошедшее за последние полтора десятилетия, действительно изменило мир. Хотя обе державы выступают пока в разном качестве. Китай – уже активный участник конкуренции за глобальное лидерство и ресурсы. И даже, по мнению многих учёных, фактический драйвер этой конкуренции (Россия в отличие от Китая выступила катализатором военно-дипломатического обострения, но не глобального сдвига). Китай, безусловно, один из немногих важнейших участников глобальной политики, накопленная мощь которого позволяет ему проецировать влияние по всему миру: в Азии, Евразии, Африке, Восточной Европе и Латинской Америке. Одновременно Китай опирается в своей геостратегии и на военную мощь России, с которой его связывают близкие доверительные отношения.

Индия, со своей стороны, является субъектом преимущественно на региональном уровне, на общемировом – она скорее активный объект, не выдвигающий глобальной повестки и концепций. Хотя есть основания считать, что постепенно индийская внешняя политика также будет стремиться преодолеть традиционную систему координат. В качестве первого признака можно рассматривать увлечённость Дели концепцией «Индо-Тихоокеанского региона» (ИТР) как альтернативы АТР. При этом у Индии, Японии и США разное видение беспокоряющей Китай идеи ИТР. США и Япония активно поддерживают эту концепцию, рассчитывая создать на её основе дугу глобального сдерживания Китая. Для Индии ИТР необходим как инструмент наращивания собственного глобального значения и, в перспективе, легитимации будущего присутствия за пределами традиционной зоны интересов исключительно в Индийском океане.

Борьба ведущих игроков за Индию (как и за Европу) может стать одной из примет нового мира

Борьба ведущих игроков за Индию (как и за Европу) может стать одной из примет нового мира. Но положение Индии и Европы качественно отличается. Европа потеряла глобальное доминирование в результате Мировой войны 1914–1918 гг. В конце прошлого – начале этого века европейские государства попробовали вернуть себе

статус глобальной силы уже мирными средствами, но попытка потерпела поражение. Европа идёт вниз, Индия, вслед за Китаем, – вверх. Поэтому важно внимательно относиться к её интересам, стратегическим взглядам и амбициям. Для России Индия – важный партнёр, природа отношений с которым является дружественной, а географические зоны интересов не пересекаются.

Процессы, связанные с изменением роли Китая и Индии, вносят весомый вклад в формирование «Евразийского феномена» – увеличение объёмов международной торговли и ожиданий, связанных с традиционно периферийным, континентальным регионом Центральной Евразии. Всего несколько лет назад даже минимальная конкуренция сухопутной торговли с традиционной морской представлялась невозможной. Но после того, как Китай дал импульс евразийскому сотрудничеству своей инициативой «Экономического пояса Шёлкового пути», происходят фундаментальные изменения. Евразия стала одной из важнейших частей современного международного нарратива: значит, идея востребована.

Для России этот феномен исключительно выгоден. Он снимает застарелую и мучительную (хотя явно ложную) проблему выбора между Востоком и Западом и позволяет, по определению китайского учёного Чжао Хуашена, сформулировать собственную национальную внешнеполитическую стратегию. А также, добавим, предложить другим государствам региона концепцию эффективного многостороннего сотрудничества. В условиях конфликта с США и Европой для России жизненно важно обеспечить надёжный евразийский «тыл», и делает она это опираясь на мирные инструменты.

Неизбежно происходит эрозия монопольного положения европейской стратегической культуры и внешнеполитических алгоритмов. Естественным для себя образом новые гиганты приносят в региональную и мировую политики собственные модели поведения, укоренённые в их национальной стратегической культуре. В Индии, со времён Неру делящей окружающий мир на концентрические круги в зависимости от степени соседства, идёт процесс обращения к корням и переосмысления этих кругов в понятиях теории «раджамандалы», сформулированной древним мудрецом Каутильей. Для Китая свойственна система даннических двусторонних отношений с соседями и партнёрами. Оба взгляда на мир полностью трансформируют модель многостороннего

сотрудничества, которая была выработана на историческом «вестфальском пространстве»: в Европе, Северной Америке и инкорпорированной в это сообщество России. Хотя последняя и не принимала непосредственного участия в создании вестфальских порядков, она играла по этим правилам, часто давая им собственную интерпретацию.

И, наконец, глобальный контекст меняется под влиянием новой мировой политической географии: завершается эпоха, когда центральное место в мировых делах занимала Европа, а центр тяжести мировой политики смещается на Восток. Век Европы закончился 100 лет назад, век Америки заканчивается на наших глазах. Веку Китая не бывать — его будут сдерживать всё более активно, но XXI столетие станет веком Азии. Не только основные системообразующие конфликты будут происходить в самой населённой части Земли, но и её стратегическая культура и интересы, связанные с выживанием и развитием, будут определять или корректировать течение и результаты важнейших процессов на региональном и глобальном уровне.

Изменение общего глобального политического контекста требует нового взгляда на роль, которую играют в мировой политике и экономике два важнейших океана — Индийский и Тихий. Оба они связаны с возникновением и судьбой арабской, индийской и китайской цивилизаций, но в силу исторических обстоятельств стали, по сути, «колониальными морями», в то время как Атлантика и маленькое Средиземное море оказались ключевыми акваториями в ходе формирования западной цивилизации, навязавшей свои ценности и понятия остальному миру. Великая талассократия Индийского океана, морская империя Чола, за несколько столетий до прихода европейцев пала под ударами мусульманских завоевателей, превративших после этого Индийский океан во внутреннее море ислама, где не было смысла стремиться к морскому могуществу. А адмирал династии Мин Чжэн Хэ совершал экспедиции вплоть до Красного моря.

Всё закончилось в XVI веке, когда на эти морские пространства пришли европейцы, обладавшие абсолютным военно-техническим превосходством. Позже они назвали эти времена эпохой великих географических открытий, как обычно отождествляя собственные свершения с достижениями человечества. Народы Востока терпели одно

В условиях конфликта с США и Европой для России жизненно важно обеспечить надёжный евразийский «тыл»

военное поражение за другим, были частично колонизированы и политически оттеснены вглубь континента. Эти драматические события сыграли в формировании их стратегической культуры не меньшую роль, чем соседство со степью определило стратегическую культуру России во времена раннего Московского государства. Однако исторически решающее значение играла фантастическая географическая удалённость друг от друга основных цивилизационных центров Евразии, имевшая значение, сопоставимое со значением тесноты и постоянного недостатка жизненного пространства для европейцев.

Одновременно в Евразии началась эра «континентального проклятья». Большинство её государств – те, что сохранили независимость, включая могущественную Россию, – были выключены из международной торговли и на протяжении 500 лет развивались гораздо медленнее морских конкурентов. Пришёл в запустение Великий шёлковый путь: его караваны вытеснили португальские каравеллы и английские клиперы, а им на смену пришли гигантские океанские танкеры и контейнеровозы. В конце XIX – первой половине XX века в Европе и США возникла геополитическая концепция контроля над дугой, опоясывающей Евразию с запада, юга и востока. Обеспечивать этот контроль должны были огромные флоты сначала Великобритании, а затем – Соединённых Штатов. Россия даже в период наивысшего военного могущества позднего СССР не могла составить им конкуренцию.

Одновременно Индийский и Тихий океаны становились важнейшими артериями мировой торговли. Но оставались на периферии международной политики. Особенно это касается Индийского океана. И сейчас основные торговые конфликты в мире проходят по двум направлениям: трансатлантическому и, главному, транстихоокеанскому. Однако базовые 70% торговли товарами и сырьём так или иначе связаны именно с Индийским океаном, и если бы моря относились к океанам не физически, а по признаку торговли, то Средиземное море никак бы не было замкнуто на Атлантику. В наши дни 80% торговли здесь связано именно со странами акватории Индийского океана или потоками оттуда.

При этом Индийский океан и вся Южная Азия остаются, с точки зрения международной торговли и инвестиций, достаточно удалёнными регионами. Вовлечённость в мировое разделение труда у крупнейшей страны региона и самой густонаселённой страны мира – Индии – в 10 раз меньше, чем у Китая. Торговли между странами мало. Индия

приобретает углеводороды в Персидском заливе. Все покупают хлопок и текстиль у Индии, Бангладеш и Пакистана. Однако для большинства стран основные торговые партнёры — Китай или США. Даже произошедший рост экспорта из Индии, в том числе в Китай (оборот торговли Китай—Индия вырос на 40 %, до 84 млрд долл.), на 2/3 состоит из роста стоимости руды и прочих сырьевых товаров.

Сейчас оборот двусторонней торговли Китая и Индии — двух полуторамиллиардных стран — в три раза меньше, чем у Китая с Японией или Тайванем, и практически совпадает с цифрами торговли России и Китая. Население Южной Азии зависит от внешней торговли критически мало. Вторая крупнейшая по населению страна Южной Азии — Пакистан — ещё меньше вовлечена в торговлю с внешним миром. В результате страны Индийского океана не влияют на мировую торговую политику. Об этом свидетельствует и наиболее распространённая форма их вовлечения в торговые конфликты. Чаще всего индийские металлурги или пакистанские текстильщики сами становятся объектами войн. Большинство стран региона Индийского океана, согласно DHL Global Connectedness Index, в 2016 г. в силу невысокого уровня жизни и избытка дешёвой рабочей силы ориентированы на экспорт. В меньшей степени это касается Индии, чей самый известный экспортный продукт — программное обеспечение, в большей степени — стран Индокитая, Малайзии, Тайланда.

Таким образом, пока динамика международной торговли не свидетельствует в пользу формирования единого Индо-Тихоокеанского пространства и позволяет говорить о чисто политическом характере этой широко обсуждаемой инициативы. Однако именно политика становится всё более важным фактором, определяющим как развитие торговых связей, так и будущий расклад сил на мировой арене. Необходимо внимательно посмотреть на важнейшие геополитические факторы региона и сделать выводы, которые отвечали бы интересам России и требованиям сотрудничества с её важнейшими партнёрами в Азии и за её пределами. Среди этих факторов на первом месте стоят национальные интересы и стратегическая культура Китая и Индии, попытки США ответить на вызов возвышения этих гигантов через «европеизацию» азиатского мира и его двухполюсную раздробленность и, наконец, распад исторической дуги Римланда, переход его важнейших государств в качество уже не объектов, а субъектов геополитического соревнования и экспансии.

Неизбежность Китая

Китайская внешняя политика на текущем этапе является «возвращением к норме» с точки зрения истории китайской стратегической культуры. Официальные изложения ключевых идеологических концепций Си Цзиньпина, имеющих отношение к развитию страны в целом («китайская мечта») и к её внешним связям («Один пояс, один путь»), сопровождаются ссылками на опыт периодов наивысшего развития, могущества и процветания императорского Китая: правление династий Хань и Тан. С точки зрения Пекина, период истории страны, продолжавшийся с Первой опиумной войны 1840–1842 гг. и до установления КНР в 1949 г., был «столетием унижения», отходом от нормы, в рамках которой Китай, с одной стороны, являлся крупнейшей экономикой мира, а с другой – великой мировой державой и бесспорным центром всей системы международных отношений в своей части мира.

Восстановление этой нормы, с точки зрения ряда западных и китайских исследователей, и представляет собой главную глубинную идею политики «мирного возвышения», «мирного развития» Китая и в конечном счёте политических концепций, выдвигаемых уже Председателем КНР Си Цзиньпином начиная с 2013 г. Курс на «восстановление нормы» заставляет более пристально взглянуть на исторически сложившуюся до начала XIX века в Азиатско-Тихоокеанском регионе систему отношений, которая с китайской точки зрения могла бы выступать в качестве эталона.

Эта система представляла из себя по большей части различные вариации так называемого данничества, при котором государства региона, заинтересованные в поддержании отношений с той или иной китайской династией, признавали формальное главенство Китая и подчинённое по отношению к китайской империи положение. Сохраняя самостоятельность во внутренних делах они так или иначе признавали роль Китая как законодателя правил игры в регионе. Принципиально важным являлось то, что в рамках такой системы не было места другим, в особенности внерегиональным игрокам, бросающим вызов выстроенной Китаем системе, формирующим альтернативные механизмы обеспечения региональной безопасности и претендующим на роль верховного арбитра.

Реализация инициативы «Один пояс, один путь», предполагающая в перспективе уход от решения в основном вопросов торговли и инвестиций в пользу более широкой повестки дня, – характерный пример присущего Китаю поведения на международной арене. В 2013 г. «Один пояс, один путь» начинался в качестве преимущественно инфраструктурного проекта с последующим переходом на сферы торговли, финансов, культуры и политики. Вместе с тем этот укоренённый в истории взгляд на естественный региональный и мировой порядок – лишь один из пластов китайской стратегической культуры. Другие, не менее важные её составляющие, появились уже в период существования Китайской Народной Республики с 1949 г.

Источник: World Bank.

Коммунистическая партия Китая (КПК) приобрела власть в жестокой борьбе, а первые три десятилетия её правления были связаны с катастрофическими потрясениями такими, как Большой скачок 1958–1960 гг. и Культурная революция 1966–1976 гг. Эти исторические травмы сравнимы по своим масштабам с массовым голодом в СССР 1932–1933 гг. и репрессиями 1937–1938 гг. Как следствие, КПК последовательно решает задачу постоянного подтверждения собственной легитимности в глазах китайского общества. Проблема обостряется на фоне роста благосостояния, образованности и открытости общества при одновременном снижении интереса к «омертвевшим» марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна в их традиционной версии.

Ответами на этот вызов являются, во-первых, ставка на поддержание по возможности высоких темпов экономического роста и, во-вторых, подчёркивание роли КПК как политической силы, вернувшей Китай в ряды великих держав. Провал в решении этих двух задач грозит внутренними потрясениями. Если до начала 2010-х гг. относительная сдержанность, если не пассивность, китайской внешней политики могла компенсироваться невиданными двузначными темпами роста

ВВП, то по мере естественного торможения китайской экономики такая возможность исчезает.

Продолжение политики роста благосостояния также уже невозможно без активной внешней политики. Китай, согласно докладу Си Цзиньпина XIX съезду КПК в октябре 2017 г., должен достигнуть душевых показателей развитой страны к 2050 г., что с учётом численности населения предполагает строительство экономики в 3–4 раза превосходящей современные США по размерам (ВВП с учётом паритета покупательной способности). Такая экономика может быть построена лишь путём перехода к экспорту разработанной и произведённой в Китае продукции под китайскими брендами при одновременном превращении Китая в гигантского по своим масштабам импортёра сырья, полуфабрикатов и низкотехнологичной продукции, а в перспективе – даже рабочей силы.

Речь идёт, таким образом, о невиданном переделе мирового рынка, который будет сопровождаться потрясениями, на порядок

Источник: <https://chinapower.csis.org/>

Источник: Ежегодный статистический бюллетень прямых иностранных инвестиций КНР, 2016.

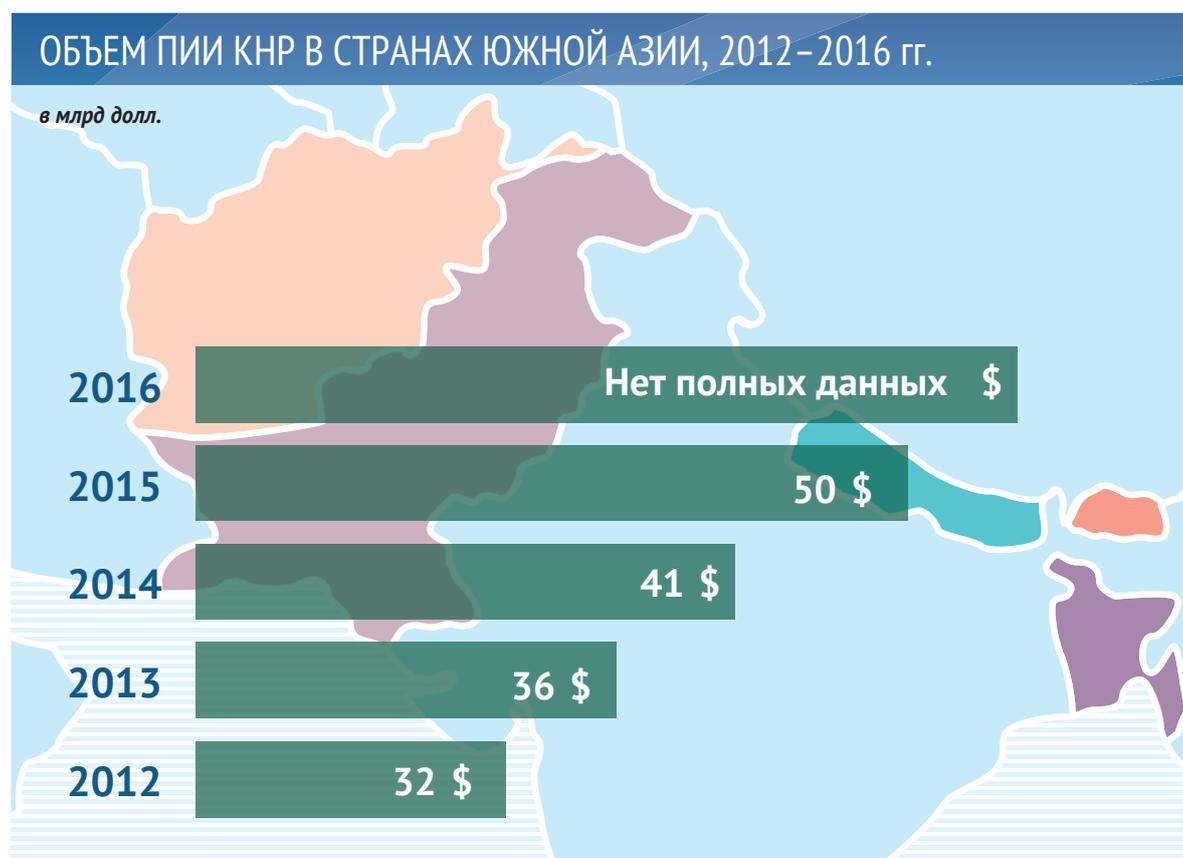
более серьезными, чем проблемы, связанные со становлением Японии и Южной Кореи в качестве развитых стран в 1970–1980-е гг. Для обеспечения жизненно необходимой ему позитивной динамики Китай должен будет обеспечивать расширение своего присутствия сразу во всех регионах мира. Он не может позволить себе концентрироваться только на одной части света, сократив присутствие в других, поскольку ни один отдельно взятый регион не обладает достаточными ресурсами для развития Китая.

Неизбежность подобного расширения глобального присутствия была осознана китайским руководством ещё в конце 1990-х гг., когда руководство КНР обратилось к китайским компаниям с призывом «идти вовне». К настоящему времени накопленные прямые инвестиции Китая в мире могут приближаться к 1,8 трлн долларов. Китай всё более ясно осознает необходимость защиты этой глобальной бизнес-империи. Важным уроком стала гражданская война в Ливии в 2011 г. и последующая интервенция НАТО, которые завершились утратой важного для КНР

партнёра в Северной Африке. Неспособность китайской дипломатии к самостоятельным (без опоры на Россию) энергичным действиям, нерешительность в ходе кризиса обернулись финансовыми потерями в десятки миллиардов долларов и срочной эвакуацией из Ливии 35 тысяч работавших там китайских граждан.

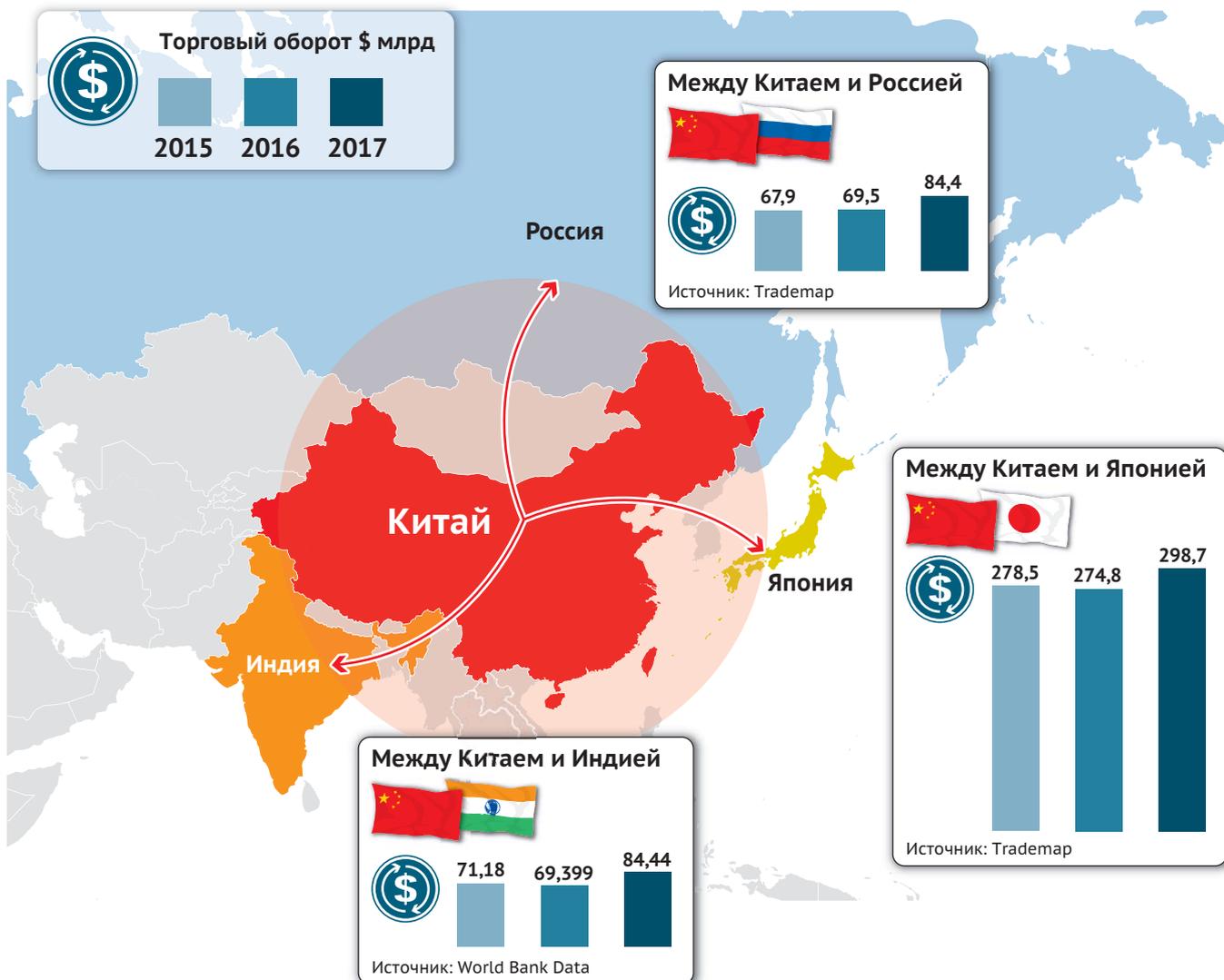
«Защита зарубежных интересов» прямо обозначена Китаем в качестве важного приоритета военного строительства в Белой книге по военной стратегии 2015 г. Китай строит мощный океанский надводный военный флот, стратегическую военно-транспортную авиацию и корпус морской пехоты, численность которого предполагается довести до 100 тысяч человек. Постепенно активизируется внешняя политика, которая движется в направлении строительства собственной сферы влияния из стран, зависимых от китайской помощи и кредитов, китайского рынка, а в перспективе — и от китайских гарантий безопасности. Неизбежное расширение сферы китайских интересов

Для обеспечения жизненно необходимой ему позитивной динамики Китай должен будет обеспечивать расширение своего присутствия сразу во всех регионах мира

Источник: составлено авторами ЦКЕМИ по данным Министерства Коммерции КНР.

ТОРГОВЫЙ ОБОРОТ МЕЖДУ КИТАЕМ, ИНДИЕЙ, ЯПОНИЕЙ И РОССИЕЙ

сопровождается развитием инициативы «Один пояс, один путь» и расширением её географических рамок на весь бассейн Тихого океана и даже на Арктику (в январе 2018 г. была опубликована концепция «Полярного Шёлкового пути»).

Концепция Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), которая получила поддержку Индии, становится серьёзным вызовом для этой набирающей силу экспансии. Конечной целью ИТР может теоретически стать создание единого фронта стран, которые займутся сдерживанием нарастающего присутствия Китая в регионах, имеющих жизненно важное значение для будущего китайской экономики. В случае реального прогресса в реализации концепции можно будет говорить о появлении экзистенциальной

угрозы для существующей в Китае политической системы, которая просто не сможет сохраниться без дальнейшего движения вовне.

Ответ на ИТР превращается таким образом в важнейшую задачу для китайской внешней политики. На данный момент в работах китайских внешнеполитических экспертов можно видеть два соперничающих подхода к ИТР. Хотя антикитайская направленность концепции общепризнана, часть китайских специалистов склонна скептически оценивать способности США к осуществлению последовательной и успешной политики сдерживания Китая. Они обращают внимание на внутренние проблемы США, противостояние президента Дональда Трампа и Конгресса, отсутствие у американской политики сдерживания Китая в Азии солидной экономической основы, особенно после отказа от Транстихоокеанского партнёрства (ТТП).

Другая группа специалистов склонна усматривать в ИТР серьезнейшую экзистенциальную угрозу китайским интересам. В то же время представители обеих школ дают схожие рекомендации, которые сводятся к необходимости укреплять отношения со странами-участницами инициативы «Один пояс, один путь», наращивать китайское влияние, создавать собственную сеть союзников и партнёров. Можно предположить, что в создавшейся ситуации Китаю придётся обращать повышенное внимание как на расширение своего экономического влияния, «мягкой силы» в Азии и других регионах мира, так и на наращивание своей роли в вопросах региональной безопасности.

В новых условиях особое значение приобретают подходы КНР к отношениям с Индией. На них влияет широкий набор факторов. С одной стороны, между странами сохраняются застарелые территориальные проблемы, отсутствует доверие, имеет место локальная гонка вооружений. Многие китайские инвестиционные проекты и политические инициативы в отношении Непала, Бангладеш, Мальдив, Шри Ланки не в полной мере учитывали мнение Индии, претендующей на собственную зону влияния в данном регионе. Одновременно в поведении Пекина и Дели в последние месяцы проявляется нарастающее понимание необходимости удерживать взаимные претензии и подозрения в безопасных рамках. Стороны стремятся наращивать торгово-экономические связи (торговля достигла в 2017 г. рекордной величины в 84,44 млрд долларов). Членство обеих стран в ШОС открывает дополнительные возможности для развития диалога в сфере безопасности, в том числе с участием России.

В новых условиях особое значение приобретают подходы КНР к отношениям с Индией

Слово Индии

Индия – государство, претендующее на роль одной из великих держав XXI века. В отличие от Китая, амбиции которого базируются на его экономической мощи и который успешно строит «общество среднего достатка», претензии Дели даже на региональное лидерство вызывают сомнение у многих политологов и экономистов. Индия явно проигрывает Китаю в экономической сфере, а индийские ходы во внешней политике зачастую оказываются совершенно неожиданными для сторонних наблюдателей. В этих условиях Индия, пытаясь обосновать свои претензии, либо поддерживает, либо сама создаёт внешнеполитические конструкты, соответствующие её интересам. Одним из таких конструктов является уже упоминавшийся Индо-Тихоокеанский регион, идея о существовании которого была почти сразу же поддержана Индией и активно развивается индийскими учёными и политиками на протяжении последних лет.

Исторически Индия с начала первого тысячелетия нашей эры осуществляла культурную, религиозную, торговую, языковую экспансию в восточном направлении. «Индианизации» в той или иной форме подверглась территория всей современной материковой Юго-Восточной Азии за исключением Северного Вьетнама. Индийское влияние также распространилось на острова региона, включая всю территорию нынешней Малайзии, Западную и Центральную Индонезию, Бруней, отчасти Филиппины. В современной индийской историографии зона индийского исторического влияния именуется «индосферой», или «Великой Индией».

В результате возникла своеобразная форма суверенитета, при которой вместо государств с чётко установленными границами существовали центры силы и цивилизации, влияние которых распространялось на окрестные земли. Как правило, вассальные и зависимые государства платили этим центрам дань, обязаны были поставлять войска в случае войны, взамен получая покровительство верховного короля – чакравартина. Специфика этой системы, именуемой обычно «мандала» (по названию сакрального круга), состояла в том, что одно государство могло быть вассалом и данником двух или трёх государств одновременно. Теоретические основы этой модели были заложены в трактате о государственном устройстве «Артахаштра».

«Индианизация» региона прекратилась с распространением ислама, упадком южных индийских царств и созданием на севере Индии крупного исламского центра силы с афганской, а позже могольской династиями, переориентировавшего политику всего субрегиона в западном и северо-западном направлениях. С европейской колонизацией региона, разделом Юго-Восточной

Азии между колониальными державами, установлением в Индии британского господства восточный вектор индийской политики был почти полностью утрачен: власти Британской Индии сконцентрировались на строительстве внутри Британской империи собственной субимперии, включающей территории на Ближнем Востоке и в Восточной Африке.

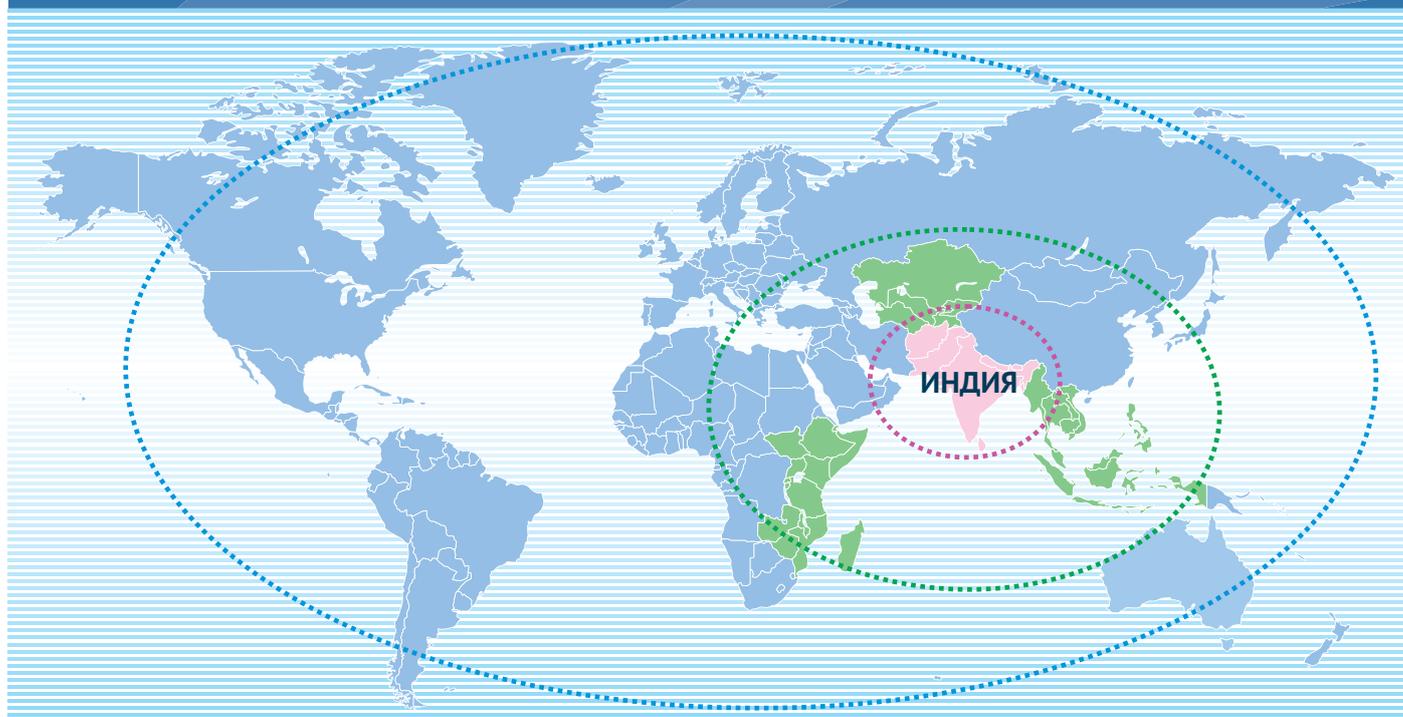
После получения независимости потребовалось выстроить новую внешнеполитическую концепцию, которая помогла бы превращению Индии в великую державу. Однако вплоть до начала 1990-х гг. Индия концентрировалась исключительно на достижении доминирования в непосредственном окружении либо наращивании связей со странами социалистического блока, арабскими государствами и странами Африки, не интересуясь расширением зоны своего влияния на Тихий океан. Наиболее характерной в этом смысле является «концепция Индиры», названная по имени

премьер-министра Индиры Ганди. По сути, аналогичная доктрине Монро, она замыкала интересы Индии исключительно на странах Южной Азии и государствах Индийского океана.

В 1991 г. с распадом СССР Индия оказалась в крайне сложной экономической и политической ситуации. Правительство Нарасимхи Рао в этих условиях сделало ставку на политику «Смотри на Восток» (Look East), начав развивать связи с тихоокеанскими государствами, которые могли предоставить Индии необходимые ей средства и технологии. При последующих правительствах Атала Бихари Ваджапаи (Индийская народная партия, БДП) и Манмохана Сингха (Индийский национальный конгресс, ИНК) восточное направление индийской политики и его осмысление как поворота Индии на восток развивалось всё активнее: наращивались связи с государствами АСЕАН, Японией и Южной Кореей. В 2014 г. после прихода к власти правительства Нарендры Моди было объявлено о замене политики «Смотри на Восток» (Look East) политикой «Действуй на Востоке» (Act East), предусматривающей активные действия в регионе.

Политические элиты в Дели ещё со времён правления Индиры Ганди рассматривают внешнее окружение Индии в рамках концепции концентрических кругов: первый, включающий страны Южной Азии и малые государства

СХЕМА ИНДИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КОНЦЕНТРИЧЕСКИХ КРУГОВ

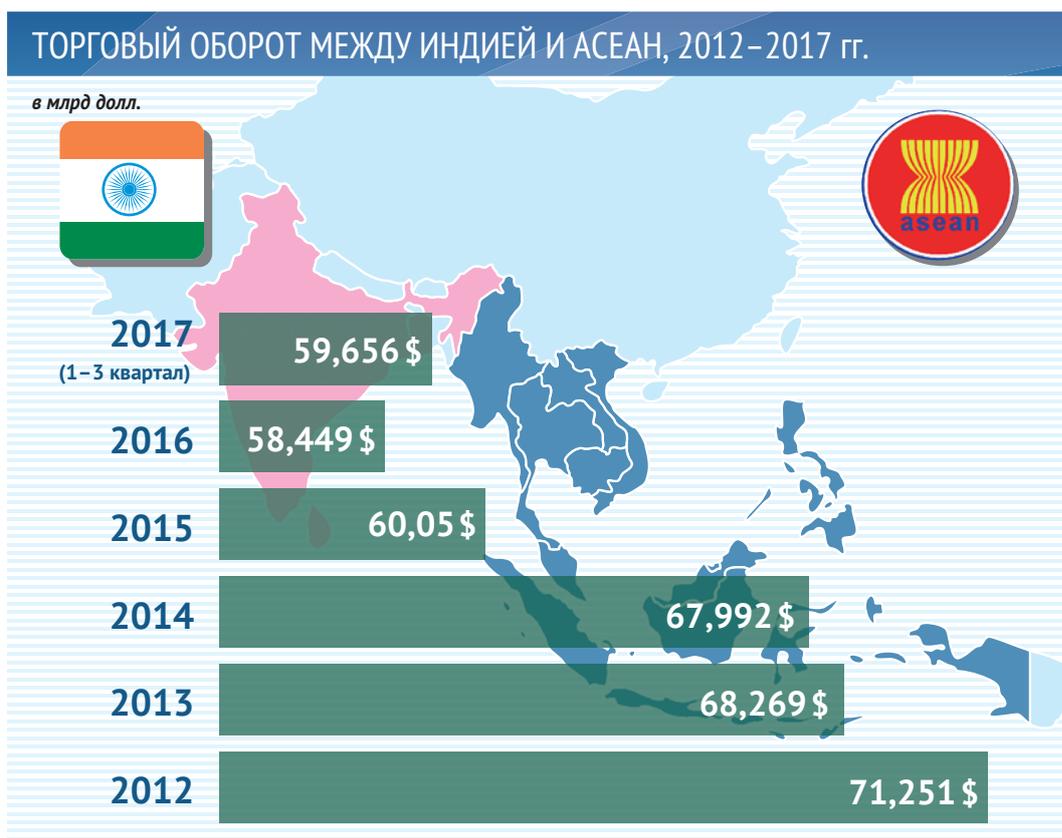

 Страны непосредственного соседства Страны расширенного соседства Все остальные страны

Индийского океана, — «страны непосредственного соседства»; второй, в который входят, в частности, страны Юго-Восточной Азии (ЮВА), Восточной Африки, Центральной Азии — «страны расширенного соседства»; наконец, третий — все остальные государства мира. В первом круге Индия стремится доминировать, в том числе и политически, во втором — отстаивать свои экономические интересы, в третьем — добиваться признания себя великой державой. В последние годы восточное направление «непосредственного соседства» активно расширяется. Важную роль в этом играет личность самого Нарендры Моди, апеллирующего к индийскому «золотому веку» и стремящегося возродить индийскую зону влияния в ЮВА. Для этого используются различные инструменты, наиболее эффективным из которых является «религиозная дипломатия»: акцент на наличии общего религиозного наследия в виде буддизма школы Тхеравада (в отличие от распространённых в Китае школ Махаяны).

Индийское экспертное и политическое сообщество активно разрабатывает идею ИТР, рассматривая её развитие как путь к ликвидации сложившегося в предыдущие десятилетия дисбаланса, когда Индия концентрировалась исключительно на евразийском и индоокеанском направлениях. Для индийской внешней политики оформление концепции ИТР позволяет обосновать интерес к восточному направлению, проявляемый Дели, и подвести теоретическую базу культурно-исторических связей под экономические нужды Индии, заинтересованной в привлечении инвестиций и технологий из стран АТР. Кроме того, включение Тихого океана в зону индийских стратегических интересов позволяет отказаться от бесплодных попыток добиться абсолютного доминирования в Индийском океане в условиях нарастающего китайского присутствия, приняв более гибкую стратегию проецирования силы в чувствительных для КНР морских зонах.

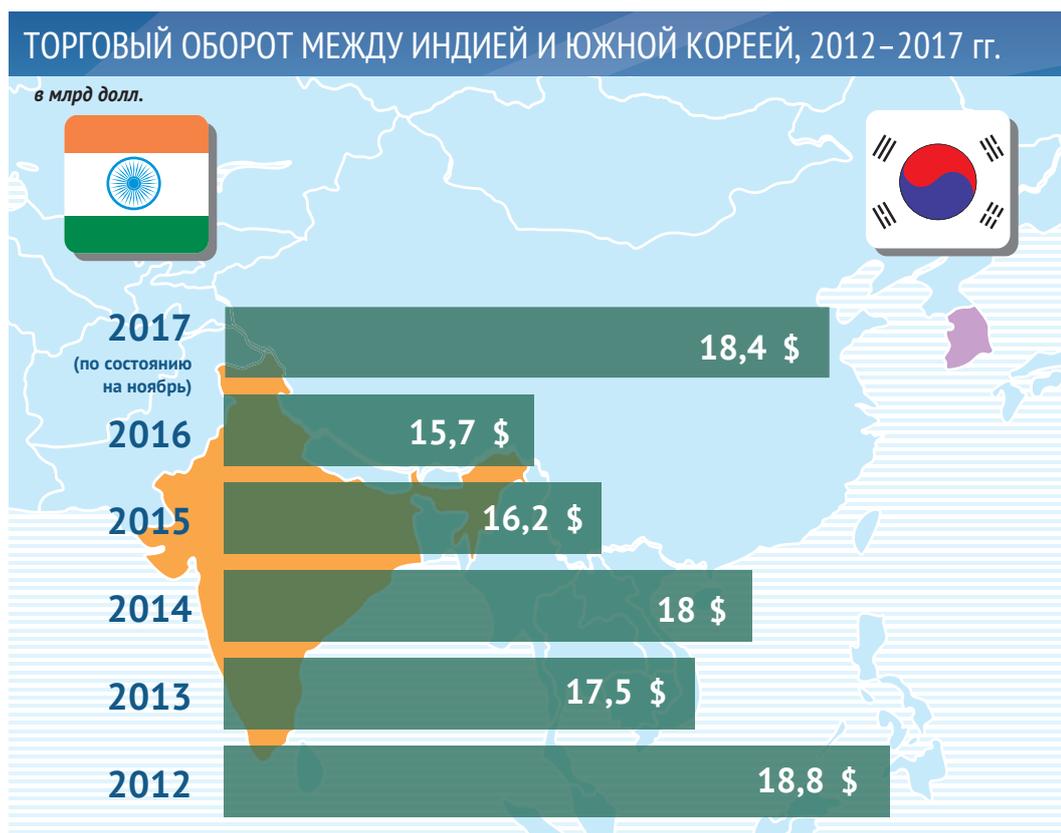
Для Индии концепция ИТР предоставляет заманчивую возможность стать одним из региональных лидеров. Она является одной из нескольких крупных держав в регионе (наряду с Китаем и Австралией), проводящих самостоятельную внешнюю политику, являющихся центрами силы и обладающих достаточной военной и экономической мощью, чтобы обеспечить такое положение дел. Однако неясно, каким именно образом Индия сумеет реализовать эту манящую возможность. Дели рассматривает ИТР как наиболее перспективное направление приложения экономических усилий. Как отметил государственный министр иностранных дел Мушабар Джавад Акбар: «Индо-Тихоокеанский регион — одна из наиболее важных и динамично развивающихся торговых зон, и растущие экономики и торговля создают всё больше возможностей для региональной экономической интеграции». Кроме того, развитие экономического взаимодействия Индии в рамках ИТР тесно связано с перспективами развития «голубой экономики» — концепции, крайне популярной среди индийских экономистов и политиков.

Источник: Aseanstats.

Однако динамика сотрудничества Индии и стран АСЕАН, Южной Кореи и Японии, а также сохраняющиеся проблемы в торговле со странами региона (в частности, ряд невыгодных для Индии условий части соглашений о зоне свободной торговли, например, с Южной Кореей) не дают оснований для вывода о том, что концепция ИТР способна позитивно повлиять на индийскую экономику. Определённые перспективы оформления концепции ИТР имеет в плане создания коридора Япония–Индия–Африка (он же коридор роста Азия–Африка, AAGC). Заявлено, что коридор будет в основном морским и свяжет страны Африки с Индией, странами Юго-Восточной Азии и Океании. Хотя заинтересованность в проекте высказали многие страны ЮВА, а также Иран и Монголия, его основными бенефициарами являются Япония и Индия. Неясно, удастся ли им превратить этот проект в многосторонний, или он так и останется японско-индийским; в этом случае попытка встроить его в ИТР теряет смысл.

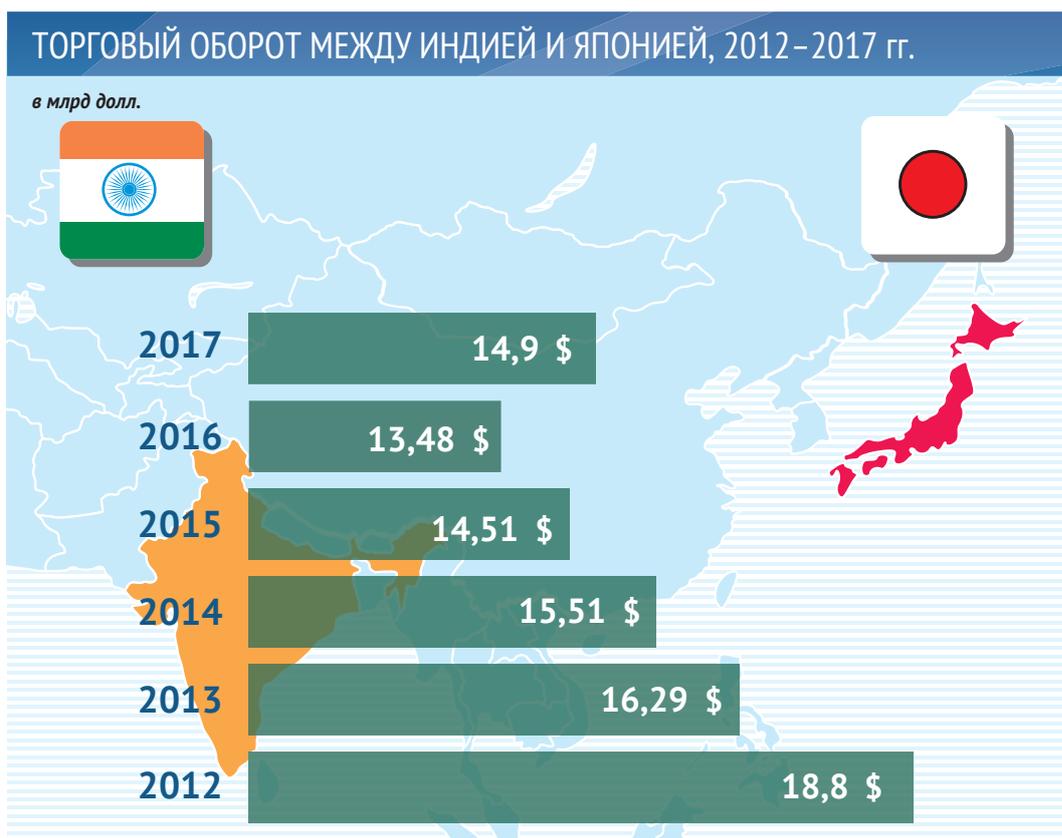
Концепция ИТР обретёт определённый смысл, если будет способствовать снижению конфликтогенности в регионе и, как следствие, оживлению торговли. Но, учитывая, что наиболее острые из существующих в регионе конфликтов включают в качестве одной из сторон КНР, перспективные инициативы в сфере безопасности, в которых предлагается участвовать Индии, направлены на сдерживание Китая. Наконец, принимая во внимание негативное отношение КНР к самой идее ИТР – можно прогнозировать, что развитие концепции ИТР приведёт не к снижению, а к росту числа конфликтов в регионе.

Источник: Посольство Индии в Республике Корея.

На данный момент США и их союзники, в первую очередь Япония, пытаются втянуть Индию в создаваемую схему безопасности (так называемый Quad), имеющую откровенно антикитайский характер. В нынешнем виде структура Quad, не налагающая на страну никаких обязательств, но при этом предоставляющая ещё одну площадку для многостороннего политического диалога и обмена технологиями, Индию вполне устраивает. Но любая дальнейшая структуризация Quad и попытки превращения его из неофициальной и ни к чему не обязывающей структуры в организацию с установленным членством неминуемо ведут к тому, что Индии придётся взять на себя дополнительные обязательства, чего она совершенно не хочет.

При этом сомнительно, что Индия будет использовать «жёсткую силу», чтобы добиться укрепления влияния в ИТР: для этого у Дели нет ресурсов и технических возможностей, индийские ВМС существенно уступают китайским и не имеют баз в регионе. Как следствие, любое укрепление индийского политического влияния при помощи «жёсткой силы» потребует сотрудничества с Соединёнными Штатами, что чревато дальнейшим обострением отношений с Китаем и попаданием в зависимость от США, чего Дели пытается избежать. Таким образом, участие Индии в любых схемах безопасности, имеющих отчётливо антикитайский характер, включая Quad, останется скорее номинальным и будет активизироваться исключительно в периоды индийско-китайских обострений.

Источник: Посольство Индии в Японии.

Для Индии развитие формата ИТР не несёт прямой и непосредственной экономической выгоды, в то же время создавая «ловушку безопасности». Однако, поскольку, с точки зрения Дели, развитие этого формата позволяет сбалансировать перекося во внешней политике, оно явно будет продолжаться, скорее всего, на основе «мягкой силы» и с использованием культурной и религиозной дипломатии. Индия будет стремиться проводить в ИТР политику, не задевающую прямо интересы ни одной из крупных держав, в первую очередь США и КНР, и при этом пытаться наращивать экономическое проникновение в регион.

Индия не намерена вновь разбалансировать свою внешнюю политику, на этот раз в другую сторону. Евразийское направление, в частности создание коридора «Север–Юг», по-прежнему рассматривается в Дели как одно из ключевых, свидетельством чего являются индийские вложения в развитие иранской инфраструктуры. Нужно, однако, помнить, что понимание Индией евразийской интеграции существенно отличается от российского: Дели заинтересован не только в развитии связей с Москвой, но и в укреплении своих позиций в Иране и проникновении в страны Центральной Азии, которые, по мнению индийского руководства, исторически входят в зону «расширенного партнёрства». Если сценарий будет реализован, он приведёт к появлению в регионе нового серьёзного игрока,

что явно беспокоит Китай; но закрепиться в регионе Индия без поддержки России не сможет.

Какими могут быть возможные действия России на фоне роста популярности в Индии концепции ИТР? Понимание руководством Индии необходимости развития евразийского направления гарантирует, что интерес к сотрудничеству с Москвой Дели не потеряет и двусторонние отношения останутся на уровне стратегического партнёрства. Однако с учётом происходящих в мире процессов, в частности попыток США сдержать Китай и активного стремления в этой связи сблизиться с Индией, Москве имеет смысл наращивать отношения с Индией не только по евразийскому направлению, но и в ИТР, увеличивая своё присутствие в Тихом океане и укрепляя связи с наиболее интересующими Индию странами ЮВА, Японией и Южной Кореей. Это, в свою очередь, требует более высоких темпов развития Дальнего Востока. Помимо этого, имеет смысл обратить внимание на другие страны ЮВА, не имеющие острых территориальных конфликтов в регионе, заинтересованные в тесном сотрудничестве с Россией в сфере безопасности и развитии экономических связей. Чем больше будет политический и экономический вес России в регионе, тем легче будет выстраивать диалог с интересующими её игроками, включая Индию.

«Европеизация» Азии?

Исторически одной из главных отличительных черт Азии были гибкость и многообразие, и международные отношения здесь развивались иначе, чем в Европе. Несмотря на обилие противоречий, конфликтов и дефицит доверия, азиатскому региону не были свойственны глубокие и тем более длительные геополитические расколы, столь часто встречавшиеся в Европе, особенно в XX веке, и сохраняющиеся там по сей день. Даже холодная война, которая распространилась на Азию из Европы как часть глобальной советско-американской конфронтации, имела здесь свою специфику. Уже с 1960-х и особенно с 1970-х гг. строгое разделение на советский и американский блоки исчезло: коммунистический Китай стал враждебен Советскому Союзу и начал развивать сотрудничество с США и Японией, в то время как капиталистическая и демократическая Индия, напротив, была ближе к СССР.

После окончания холодной войны толерантность Азии к многообразию возросла. Здесь нормально существуют страны, сочетающие по-прежнему однопартийные коммунистические политические режимы с рыночной или гибридной экономикой и не испытывающие какой-либо дискриминации со стороны соседей, по полной программе участвующие

в проектах регионального сотрудничества и интеграции. В наиболее продвинутом интеграционном объединении Азии – АСЕАН – участвуют как капиталистический и уже демократический Сингапур, так и социалистический Вьетнам и абсолютистский монархический Бруней: ситуация, немыслимая для Европы. Соперничество и взаимная историческая неприязнь азиатских стран, особенно среди великих и крупных держав, абсолютно нормально сочетается с постоянным углублением их экономического сотрудничества и даже интеграцией. Такие проекты, как Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), АТЭС и АСЕАН-центричные форматы объединяют, казалось бы, политических антагонистов из стран, глубоко не доверяющих, а то и ненавидящих друг друга. Главными вопросами азиатской и тихоокеанской повестки дня до последнего времени были взаимосвязанность (connectivity), развитие транспортной инфраструктуры, экономическое развитие, торговля, регулирование производственных цепочек и интеграция.

Однако сегодня возникла опасность развития Азии и Тихоокеанского региона в целом по другому – условно «европейскому» – сценарию: их постепенный раскол на два противостоящих геополитических, а в дальнейшем и геоэкономических блока – проамериканский и прокитайский. Основой первого блока может выступить сочетание трёх форматов: формирующееся американо-индийское партнёрство, четырёхстороннее взаимодействие США–Япония–Индия–Австралия (Quad) и система военных союзов США в Азии. Основой второго – российско-китайское стратегическое партнёрство, к которому будут близки Иран и Пакистан. Малые государства региона – Южная Корея, страны АСЕАН – в этом случае начали бы или присоединяться к одному из этих блоков (что, в частности, подвело бы черту под АСЕАН как целостным объединением), или объявляли бы о своём нейтралитете и «неприсоединении». Подобное развитие не отменило бы традиционную азиатскую гибкость полностью (она является частью культуры стран и народов региона), и полное воспроизводство здесь европейской блоковой модели холодной войны крайне маловероятно. Однако опасность существенного уменьшения этой гибкости и поляризации региона с сокращением политического и даже экономического сотрудничества между странами противоположных коалиций вполне реальна.

Драйвером тенденции выступает сочетание двух объективных и одного субъективного фактора. Первый объективный фактор – реакция многих стран региона и США на резкое экономическое и военно-политическое укрепление Китая, проведение им всё более наступательной и даже в некотором роде гегемонистской политики в Юго-Восточной, Восточной и Южной Азии и его стремление сформировать в регионе китаецентричные экономический и политический порядки, подвинуть здесь лидирующее вплоть до недавнего

времени положение США. Пекин всё менее завуалированно даёт понять, что намерен снова занять «законное» историческое положение в регионе, то есть «срединной империи», и перереформатирует его соответствующим образом. Как следствие, обостряются страхи других стран региона и в первую очередь Японии и Индии. Последние рассматривают Китай как соперника, которого им не догнать.

Для них предотвращение формирования в Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии китаецентричной системы — вопрос собственного выживания как великих держав. Особую озабоченность Токио, Дели и ряда других игроков региона вызывает китайская инициатива «Один пояс, один путь», в которой они видят не только первый пример выдвижения Пекином собственного трансрегионального проекта, но и его попытки создать материальные основы своего экономического и военного присутствия, влияния в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, жёсткий фундамент будущей системы китайской гегемонии. Наконец, огромную озабоченность политика Китая вызывает у США, которые опасаются утраты как глобального первенства, так и лидирующих позиций в ключевом макрорегионе XXI века. То есть — глобальной маргинализации.

Второй объективный фактор является следствием первого: Тихоокеанский регион превращается в главную арену стратегического великодержавного соперничества нынешнего столетия — роль, которую в XX веке играла Европа. Отчасти гибкость и многообразие Азии предыдущих эпох была связана с её периферийным положением в системе международных отношений. В период холодной войны она, несмотря на войны в Корее, Вьетнаме и Афганистане, была всё же второстепенным фронтом советско-американской конфронтации. Сегодня же именно в Тихоокеанском регионе разворачиваются как стратегическое соперничество США и Китая — главное противостояние первой половины XXI века, так и великодержавное соперничество Китай—Индия и Китай—Япония. Соответственно, нарастает общесистемное давление к развитию региона по европейскому сценарию поляризации и раскола.

Наконец, третий — субъективный — фактор связан с политикой Соединённых Штатов, похоже, сделавших окончательный выбор в пользу стратегического сдерживания тех держав, которые после окончания холодной войны отказались трансформироваться на основе американских ценностей и интегрироваться в американский миропорядок на правах младших гомогенных членов: России и Китая. Имеет место не просто признание Вашингтоном конкурентной природы отношений с Москвой и Пекином, а возвращение

Пекин всё менее завуалированно даёт понять, что намерен снова занять «законное» историческое положение в регионе

к стратегии, нацеленной в конечном счёте на то, чтобы их победить. США резко изменили баланс в политике в отношении России и Китая. Резко активизировалась линия сдерживания (включая политические, военные и экономические элементы) и ослабла идея «вовлечения». Вопрос об улучшении отношений с Россией, поднимавшийся в начале администрации Дональда Трампа, закрыт на ближайшие годы, как минимум. Также идея американо-китайского стратегического партнёрства, которое стало бы несущей осью международных отношений в АТР, а то и в мире в целом, на обозримую перспективу отвергнута. Причём, вопреки рекомендациям реалистской школы, Россия и Китай стали рассматриваться как единое целое – блок авторитарных «ревизионистских» государств, противостоящий «свободному миру» и стремящийся разрушить международный порядок, переделать его в свою пользу и в соответствии со своими (авторитарными) ценностями и интересами.

Налицо попытки воспроизвести в качественно новых условиях своего рода глобальную холодную войну и добиться глобального раскола мира, когда по одну сторону баррикад находится «свободный мир» во главе с США, а по другую – «авторитарный блок» России, Китая и примкнувших к ним «стран-изгоев». Причём идеологическая простота подобного деления неплохо сочетается с не менее простой классической формулой геополитики о противостоянии морских и континентальных держав, всецело соответствующей мировоззрению внешнеполитических руководителей администрации Трампа. Первыми в данном случае выступают Соединённые Штаты с союзниками и партнёрами, образующими морское Индо-Тихоокеанское партнёрство, вторыми – Россия и Китай, формирующие континентальную «Большую Евразию». На сегодняшний день эта американская стратегия – главный источник опасности раскола и поляризации Азии и Тихоокеанского региона.

Ключевым инструментом новой американской стратегии сдерживания Китая в АТР стала концепция Индо-Тихоокеанского региона, изначально позаимствованная США у Японии, но скорректированная в сторону более жёсткого, чем хотели бы в Токио, противодействия КНР. Военно-политической компонентой ИТР в Вашингтоне рассматривается формирование полноценной четырёхсторонней коалиции противостоящих Китаю стран: США–Япония–Индия–Австралия (Quad), которые развивали бы между собой горизонтальное сотрудничество, в том числе проводили регулярные военные учения, наращивали военное присутствие и инфраструктуру в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, координировали военную политику в целом. Тем самым дополняли бы существующую сейчас систему американских военных союзов в регионе, выстроенную по модели «хаб

и спицы» (то есть без существенного горизонтального взаимодействия между американскими союзниками), и противодействовали бы наращиванию в регионе китайского военного присутствия и влияния. Основной упор США рассчитывают сделать на двустороннем военном сотрудничестве с Индией – как второй после Китая военной державой Азии – и трёхстороннем взаимодействии с Индией и Японией, примером которого являются учения «Малабар».

Экономической составляющей этой концепции является создание альтернативы китайскому проекту «Один пояс, один путь», призванной затруднить реализацию последнего и переориентировать от него хотя бы часть участников. В программном выступлении об Индо-Тихоокеанском регионе в Центре стратегических и международных исследований (CSIS) в октябре 2017 г. бывший тогда госсекретарем Рекс Тиллерсон открыто назвал политику КНР угрозой экономическому порядку в Тихоокеанском регионе, а участие в китайском проекте – продажей суверенитета и обменом долгосрочного экономического развития на иллюзию быстрых денег. Вместо этого США и Япония рассчитывают предложить странам Южной, Юго-Восточной Азии и Восточной Африки проекты по развитию «качественной» инфраструктуры и взаимосвязанности.

И в том, и в другом случае речь идёт о создании в регионе инфраструктуры и сетки отношений, которая обкладывала бы Китай с востока, юга и юго-востока и не позволяла бы ему выстроить в регионе собственный экономический порядок и порядок безопасности. При этом Вашингтон уже начал ставить страны региона перед выбором: либо с Китаем, и тогда они становятся объектом хищнической политики авторитарной державы с гегемонистскими амбициями, либо с индо-тихоокеанской коалицией и в рамках международного порядка, основанного на правилах. Американская риторика стала очень напоминать времена холодной войны: либо США с союзниками и партнёрами по Quad создадут в Тихоокеанском регионе «правильный» порядок, основанный на свободе, демократии, правилах и экономической открытости, либо с подачи Китая в нем возобладают «беспорядок, конфликты и хищническая экономика».

На глобальном уровне американская политика сдерживания Китая выражается в развязываемой Вашингтоном торговой войне, а также в попытках противодействовать китайскому влиянию не только в Азии, но и в глобальных масштабах. Так, в марте 2018 г. администрация Трампа объявила о введении заградительных импортных пошлин на сталь (25%) и алюминий (10%). Впервые за почти столетие Вашингтон переходит к ярко выраженной

протекционистской политике, главной мишенью которого является именно Китай. Администрация Трампа решительно вознамерилась сократить торговый дефицит с КНР и интенсифицировать приток денег в американскую экономику. Судя по явному намерению Дональда Трампа «перетряхнуть» администрацию и насытить её своими единомышленниками, данный протекционистский и меркантилистский курс будет продолжен, по крайней мере в период его президентства. Одновременно Вашингтон начинает подстраивать свою политику в разных регионах мира под общую задачу стратегического сдерживания Китая и России, придавая тем самым этому сдерживанию глобальный характер.

Наконец, существенно сокращается сотрудничество США и Китая по общим вопросам глобального экономического и климатического регулирования и вопросам безопасности. До последнего времени администрация Трампа в качестве одного из важнейших направлений сотрудничества с Пекином видела решение проблемы ядерной программы КНДР. Однако открывшаяся недавно перспектива прямого двустороннего диалога Вашингтона с Пхеньяном и встреча Дональда Трампа и Ким Чен Ына лишает это сотрудничество большей части смысла и существенно ослабляет позиции КНР в северокорейском сюжете. Если Белому дому при Трампе удастся урегулировать северокорейскую проблему или хотя бы создать для этого предпосылки через прямой диалог с КНДР, это создаст ещё более благоприятные условия для американской политики сдерживания Китая.

И всё же сценарий глубокого геополитического и геоэкономического раскола Тихоокеанского региона по европейскому образцу не стоит рассматривать как предрешённый. Против него работает целый ряд факторов, главный из которых – свойственная азиатским странам иная стратегическая культура и их нежелание включаться в централизованные системы, делать выбор между Соединёнными Штатами и КНР. Так, страны АСЕАН, включая союзников, старых и новых, и партнёров США (Филиппины, Таиланд, Сингапур, Вьетнам), а также важный американский союзник в Восточной Азии – Южная Корея – этот выбор делать не хотят и стремятся сохранить и даже углубить свои отношения с Москвой и Пекином одновременно с отношениями с Вашингтоном. Чем жёстче Соединённые Штаты будут склонять их к выбору, тем слабее будут становиться позиции США в регионе. Индия – ключевой партнёр США в их новой стратегии сдерживания – вряд ли готова ограничить внешнеполитическую самостоятельность и однозначно перейти на роль младшего партнёра Вашингтона.

Очевидно, что Дели наращивает интерес к евразийским делам и, видимо, против того, чтобы Большая Евразия и Индо-Тихоокеанское

партнёрство формировались как два противостоящих друг другу блока по образцу холодной войны. Даже ближайший азиатский союзник США — Япония — с одной стороны, рад, что Вашингтон начал реально противодействовать тому, что в глазах Токио выглядит стремлением Пекина выстроить гегемонию в Восточной и Юго-Восточной Азии, но, с другой — тоже не заинтересован в том, чтобы китайско-американское соперничество зашло слишком далеко, ставило другие страны Азии перед выбором. И тем более чтобы в число противников Индо-Тихоокеанского партнёрства включалась Россия. И Дели, и Токио выступают не за размежевание, а, напротив, за комплиментарность Большой Евразии и Индо-тихоокеанского партнёрства.

Второй фактор против долгосрочной поляризации Тихоокеанского региона — другие аспекты эволюции внешней политики США, в частности уменьшение в ней либеральной составляющей и её долгосрочные перспективы в целом. Проведение Вашингтоном более эгоистической внешней и меркантилистской внешнеэкономической политики малосовместимо с риторикой о создании альтернативы инициативе «Один пояс, один путь» и тем более укреплением остатков «либерального порядка», его защиты от посягательств «ревизионистских» России и Китая. Возвращение же США к либеральной политике «благожелательного гегемона» в условиях сокращения их силового, в том числе экономического, преобладания над Китаем и оживления внутри страны эгоистических протекционистских настроений маловероятно. Это будет ограничивать потенциал сотрудничества Соединённых Штатов и с Индией, и с другими партнёрами по Quad, и с прочими тихоокеанскими странами.

Наконец, есть вероятность того, что уже начавшаяся в США ротация элит будет способствовать постепенному отказу от гегемонистской политики (как в либеральном, так и в нелиберальном вариантах) и принятию ими правил мирного сосуществования с Россией и Китаем как независимыми центрами многополярного мира и даже к созданию с ними общих международных порядков на глобальном и региональных уровнях. Новые элиты, которых сегодня представляют правые и левые популисты, уже не связывают безопасность и процветание Америки с сохранением их глобальной гегемонии. По мере их активизации будут открываться новые возможности для конструктивных отношений с Китаем и Россией, а вместе с ними — и для сопряжения проектов Индо-Тихоокеанского партнёрства и Большой Евразии.

Впервые за почти столетие Вашингтон переходит к ярко выраженной протекционистской политике, главной мишенью которого является именно Китай

Возвышение Римланда и будущее мировой политики

Новая мировая политическая география имеет совершенно определённое физическое измерение — выход Китая и Индии в число держав мирового порядка и мировых же интересов. При этом самим ведущим державам Азии будет необходимо ответить на вызов собственной центральности, и они будут делать это на основе собственных уникальных стратегических культур. Последние, в свою очередь, должны будут адаптироваться под новый глобальный запрос. Поэтому адекватной представляется постановка вопроса о том, будет ли индийская стратегия простой экстраполяцией традиционной внешнеполитической философии «Мандала» и окажутся ли отношения Китая с его младшими партнёрами современной и политически корректной копией даннической системы? Либо оба игрока воспримут выработанные за столетия господства Запада модели международного взаимодействия на основе многосторонних механизмов и институтов? Насколько возвышение Индии и Китая, а также реакция на это США и других государств приведёт к расколу региона или, наоборот, возможно создание на основе уникальной азиатской традиции новой системы многостороннего балансирования, частью которого станет Россия?

Под влиянием тектонических сдвигов в мировой экономике и политике даже само название и инструментарий политической географии, как мы её знаем, которая имеет сугубо европейское происхождение, будут неизбежно корректироваться. Геополитические построения, впервые сформулированные немецким учёным Фридрихом Ратцелем в конце XIX века, были затем успешно развиты англо-саксонскими авторами на основе той политической реальности, с которой они имели дело: слабости ведущих азиатских государств, абсолютном доминировании морских торговых путей, агрессивном давлении на Юг имперской и советской России, военном господстве Запада.

Сейчас все эти обстоятельства не могут рассматриваться как объективные исходные тезисы для анализа. Азиатские государства сильны, сухопутные торговые пути в Евразии обрели новое дыхание, а военное господство США и их союзников стало относительным. Россия, исторически являвшаяся основным противником Запада и угрозой для Востока, уже не стремится к тёплым морям. Более того, современная Россия, в отличие от своих предшественников за все 500 лет суверенной государственности, не может вести наступательные действия и на западном, и на восточном направлениях. Несмотря на её географическую протяжённость и военные

возможности, демография и экономика заставляют Россию придерживаться курса на создание многосторонних институтов и платформ. Конфронтация, которую в 2014 г. начал с Россией Запад, ещё больше способствует тому, чтобы она была позитивным игроком и стремилась к новому качеству участия в восточных делах. Парадоксально, но поворачиваясь к Востоку, где её главные партнёры – Китай и Индия, Россия проповедует там европейские ценности международного общения. Факторы старой геополитики уходят, появляются новые факторы и новая геополитика.

В середине XX века на волне ожесточённого противостояния советской экспансии Николас Спикмен разработал на основе геополитических построений XIX века концепцию Римланда – «дуговой земли». Контроль над ней позволяет «Острову» – океанским Великобритании и США – сдерживать могущество континентальной Евразии и экспансию её центральной силы – России. Эта концепция лежит в основе глобальной стратегии США, но уже не может работать в своём прежнем качестве. Важнейшие государства этой «дуги» – Китай и Индия – становятся в большей или меньшей степени источниками экспансии, всё более активно осваиваясь на других континентах. Попытки «выдавить» Китай в Евразию ведут не к его столкновению с Россией, а к новому выплёскиванию китайского могущества на прежде неизвестные ему континенты. «Дуга» исчезает в своей наиболее важной центральной части, сохраняется контроль только над её западной и восточной оконечностями – Европой и Японией. А Китай и Индия уже сами начинают «давить» на другие географические зоны.

Как писал британский географ Гордон Уэст: «Человек предполагает, а природа располагает». Но не только в части принуждающих факторов или ограничений, которые накладывает география на государства. Вне зависимости от субъективных факторов включение в активную мировую политику новых географических зон в качестве важнейших приведёт к коррекции природы и содержания этой политики. Если раньше геополитика Китая и Индии интересовала международную политику скорее факультативно, хотя и по возрастающей, то теперь этот интерес стал решающим. Китай имеет для мировой политики значение намного большее, чем, например, Бразилия, не только в силу своего географического положения, как это пишет американский политический обозреватель Роберт Каплан. Его совокупные возможности таковы, что необходимо максимально серьёзно смотреть на интересы, которые это положение определяют. Это же, в несколько меньших пока масштабах, относится к Индии или Японии. На горизонте – Индонезия, а за горизонтом – объединённая Корея.

Если раньше геополитика Китая и Индии интересовала международную политику скорее факультативно, хотя и по возрастающей, то теперь этот интерес стал решающим

Потребовалось более полутора столетий для того, чтобы включение Китая в международную систему против его воли получило развитие в фундаментальных изменениях принципов и физических условий развития и существования этой системы. «Выход из тени», завещанный великим Дэн Сяопином, уже состоялся, и вопрос в том, как могущественный Китай будет действовать в качестве глобальной державы. После обретения независимости в 1947 г. в международную систему включилась Индия. Но только сейчас это стало фактором, влияющим на положение дел в мире. Тем самым вслед за экономической глобализацией, которая может начать частично осыпаться под напором экономической войны Запада против России, завершается процесс глобализации политической. То есть состояния, при котором страны всех регионов мира вовлечены в международную политику в качестве активных единиц, а количество активных игроков превышает два, как это было во второй половине XX века. Международная политика, наконец, через 150 лет после всеобщего распространения Вестфальской системы, стала глобальной.

Новый Римланд и Третий Рим

Глобализация международной политики принципиально меняет всю систему координат, в которой выстраивается внешнеполитическая деятельность значимых стран мира. В силу своих военно-политических и в меньшей степени экономических возможностей Россия сохраняет статус и качество державы первого плана, одного из трёх постоянных членов Совета Безопасности ООН, самостоятельных в проведении внешней политики. Одновременно она вынуждена действовать в условиях ограничений, которых нет у Соединённых Штатов и Китая: слабого демографического потенциала и всестороннего политико-экономического давления со стороны США и их союзников.

Россия сталкивается с феноменом, который был присущ некоторым великим державам в истории. Она слишком большая, чтобы вступать в чужие альянсы, но её потенциала недостаточно, чтобы безусловно доминировать в каком-либо собственном блоке. Поэтому российская внешняя политика неизбежно должна быть более гибкой, ситуативной и направленной на участие в многостороннем балансировании. Как на региональном – евразийском, так и на глобальном уровне. Приобретение державами бывшего Римланда нового качества источников силы, экспансии и влияния создаёт для такой политики новые условия.

Во-первых, качественное изменение мирового баланса сил и возможностей по сравнению с предыдущими периодами истории делает ещё менее вероятной перспективу даже относительного успеха Запада в развёрнутой им борьбе за мировое господство. Это должно вселить уверенность в тех представителях российской элиты, которые смотрят на потенциал противостояния с Западом с некоторой обречённостью. Объективно неизбежное противостояние США и Китая будет требовать всё больше ресурсов, а для России создаст новые возможности в диверсификации своих внешнеэкономических связей и источников технологических решений. Шок, который ощутили в КНР на фоне американских санкций против крупнейших индустриальных компаний в 2018 г., приведёт к большей автономности китайской экономики, в первую очередь финансов и технологий. А это открывает России доступ к отключённым на Западе ресурсам развития. Кроме того, необходимость вести борьбу одновременно против России и Китая качественно отличает сегодняшнее положение Соединённых Штатов от решающих лет первой холодной войны. Теперь США оказались в положении СССР 1965–1989 г. Американские союзники в Европе недееспособны и откровенно презираемы в крупнейших странах Азии как ослабевшие бывшие колонизаторы. Слабость Европы и её подчинение Америке делает европейские государства не активом, а пассивом американской политики.

Во-вторых, нужно постепенно, но решительно уходить от периферийности отношений с Китаем и Индией по сравнению с отношениями с Западом — их изолированности от других региональных и глобальных измерений. Отношения с США и Европой уже не могут рассматриваться в отрыве от отношений с азиатскими гигантами. Это тоже потребует большей «сопрягаемости» региональных направлений российской внешней политики на практическом уровне, по крайней мере в связке США—Европа—Азия. Позволит учитывать возможности и ограничители, формирующиеся на Востоке и из-за Востока при выстраивании отношений с Западом. Последние будут враждебными или почти враждебными на ближайшие 10–15 лет.

В-третьих, нужно, по всей видимости, ещё активнее наращивать недипломатические каналы взаимодействия и общения с ведущими державами Римланда — Китаем, Индией, Ираном, Индонезией, Южной Кореей. Это относится к бизнесу, экспертному сообществу и гражданскому обществу. Масштабы дипломатического и экспертного взаимодействия с Индией и Китаем должны пропорционально соответствовать соотношению численности их

Нужно постепенно, но решительно уходить от периферийности отношений с Китаем и Индией по сравнению с отношениями с Западом

населения с населением традиционных партнёров России в Европе. Необходимо последовательно убирать транспортно-логистические препятствия к тому, чтобы европейская Россия была не меньше связана и переплетена с ними, чем с традиционными партнёрами на Западе. Это сложно в силу присущей Востоку географической удалённости и протяжённости коммуникаций. Однако значимость физических препятствий сокращается современными транспортными и коммуникационными средствами. Нужно физически и институционально «привязывать» Римланд к Хартленду, в идеале оставляя «Остров» в изоляции.

В-четвёртых, необходимо всячески продвигать и подчёркивать приверженность России традиционным и важным для новых мировых держав принципам Вестфальского порядка: невмешательству во внутренние дела, суверенному равенству и отсутствию в мировой политике гегемонистской силы. Нужно и дальше втягивать Индию и Китай в многосторонние структуры с российским участием. Обе державы, несмотря на существующие между ними противоречия, всё равно будут договариваться – за этим столом необходимо присутствие России. Свойственная стратегической культуре обеих держав склонность к гипертрофированной двусторонности в отношениях друг с другом и третьими силами является препятствием и возможностью для России. Препятствием – потому что объективно ослабляет многосторонние институты, важный ресурс российской внешней политики. Возможностью – потому что создаёт предпосылки для дипломатического манёвра и формирования ситуативных коалиций по интересам. Главное, что участники коалиций исповедуют общие базовые ценности международного общения, отрицавшиеся Западом после его победы в Первой холодной войне. Эти ценности формируют основу для взаимного признания легитимности – важнейшего условия эффективного многостороннего балансирования.

И, наконец, необходимо на национальном уровне начать системную и многоплановую исследовательскую работу по изучению краткосрочных и долгосрочных последствий глобализации международной политики. Новая геополитическая конфигурация уникальна. При этом в России исторически имеет место ограниченность знаний и представлений о стратегической культуре Индии, Китая и других незападных держав, пока отсутствует почва для эффективного учёта их фактора в мировой политике. Эти пробелы необходимо заполнять в активном сотрудничестве с азиатскими партнёрами. Российское внешнеполитическое мышление должно трансформироваться вслед за происходящей трансформацией мира.

 ValdaiClubRu
 ValdaiClubRu
 t.me/valdaiclub
 ValdaiClub
 valdaiclubcom
valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ